

ВОЗВРАЩЁННЫЕ ИМЕНА. КНИГИ ПАМЯТИ РОССИИ

(<http://visz.nlr.ru/>)

Главная (<http://visz.tadp.nlr.ru/>) > Репрессии (<http://visz.tadp.nlr.ru/persons/>) > Страницы воспоминаний (<http://visz.tadp.nlr.ru/person/withinfo>)

Ильин Иван Александрович

Ильин Иван Александрович, 1905 г. р., уроженец д. Волоярви Токсовского р-на Лен. обл., финн, беспартийный, зав. молочно-товарной фермой колхоза "Пионер", проживал: д. Нясино Токсовского р-на. Арестован 20 января 1938 г. Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР 21 апреля 1938 г. приговорен по ст. ст. 58-6-10-11 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян в г. Ленинград 5 мая 1938 г.

ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ИЛЬИН



(</uploads/1538558/Ilyin.jpg>)

Сообщаем данные о нашем отце, о том, что осталось у нас с Робертом в детской памяти за те немногие годы, что удалось нам прожить с отцом вместе. Поясняю: когда отца забрали, мне, Марии, было около 8 лет, Роберту полных 5 лет. Сестре Лиде 2 года, Иван родился четырьмя месяцами позже, в мае 38-го.

Мы с братом Робертом помним отца тихим, спокойным, собранным. Утром рано уходил на ферму, поздно возвращался. В обед папа иногда бывал дома, мы вместе обедали, за обед он маму благодарил поцелуем, гладил её по плечу. Роберта брал на руки, меня прижимал к себе. Мы с братом бегали к нему на ферму, видели, как опускали большие фляги с молоком через блоки в большую яму со льдом. Я запомнила, как папа замерял измерителем, который опускали в ведро с молоком, количество молока в ведре у доярок. Потом это молоко выливали во фляги, папа записывал данные в какой-то журнал. В коровнике было очень чисто, папа ходил проверял хозяйство по всему огромному двору и брал иногда нас с собой. Мне запомнился очень чистый во всём дворе порядок.

Вечером папа с мамой уходили куда-то с книжками и тетрадками, мы оставались с бабушкой. Папа с мамой вели наше домашнее хозяйство. Мы сохранили в памяти внешний вид отца. Он всегда был чисто выбритый, во внешнем виде очень опрятный, хотя его одежда была выцветшая. Носил он на ногах сапоги, и они всегда были очень чистые. Помню, как папа сидел на чистых ступеньках крыльца дома и держал на руках маленькую Лиду, лицо

папы было очень красивое, он улыбался и что-то говорил своей малютке, радовался новой жизни, данной ими обоими. Надо полагать, что папа с мамой планировали счастливую многодетную семью, которая должна была основываться на мирном счастье, воспитываться на трудовых семейных традициях. Мы помним на голове папы кепку, в кармане хорошо отточенный карандаш, на стареньком его пиджаке был значок. Позже мы узнали, что это был значок ГТО. Я любила смотреть, как отец косил сено для нашей коровы. Прокос у него был ровный, широкий, и осанка папы была прямая, взмахи литовкой были уверенные, умелые, красивые. Папа колот дрова для дома, мы с братом складывали, его похвала была для нас высшей наградой.

В своей педагогической деятельности я применяла метод отца – не скупиться на похвалу, когда дети этого заслуживают. В сознательной жизни я ему подражала, старалась быть на него похожей в своих делах. Мы, дети, не помним шумных разговоров в нашем отчем доме. Папа и мама говорили с нами спокойно, очень заботились о нас. Наказаний мы никаких не помним. Папа возил нас в гости, очевидно, к родне, отводил первый раз сам меня в детский сад. О моём пребывании в детском саду сохранена фотография.

Самые сильные впечатления у меня, да и у брата об отце остались от той части наших общений, когда мы с Робертом бегали к отцу на молочно-товарную ферму. Прежде всего оттого, что мы отца видели в делах, он с нами разговаривал, объяснял, показывал очень много фляг с молоком, сметаной, показывал цеха, где женщины изготавливали молочную продукцию: творог, сметану. С позиции взрослого, зрелого мышления эти дорогие мне эпизоды жизни позволяли делать выводы о том, каков же был наш отец в своих должностных обязанностях. Каков был стиль его работы, руководства, каков он был в общении с людьми. Тот идеальный порядок, хорошо организованный труд доярок, рабочих-скотников, очень чистые стойла в огромном коровнике, чистые-чистые с блестящей шерстью коровы, которых я запомнила на всю жизнь, – позволяют мне сегодня сказать, осмыслив очень многое за долгую прожитую жизнь, что наш отец был глубоко порядочным, требовательным, деловым человеком и сам очень честно и много работал. На протяжении всей своей сознательной жизни я свои дела рабочие, домашние, семейные соизмеряла той меркой порядка и чистоты, что привилась у меня в отчем доме, что я видела у отца на работе.

1938 год. 20 января. Глубокая ночь. Спали ли наши родители спокойно – как знать?! Возможно, каждую ночь ждали «чёрный ворон», незваных гостей, которые разгуливали по нашей родной деревне Нясино, в окрестных наших деревеньках, уже второй год забирая невинных людей. Помню, что все люди в деревне говорили между собой тихо, женщины плакали молча, мама говорила, что люди стали бояться друг друга и бояться ночей. В эту зловещую ночь 20 января 38-го года постучались и к нам, в наш добрый многодетный дом. Стук был очень сильный: мы, дети, сразу проснулись, от испуга заплакала двухлетняя сестра. Папе было велено быстро одеться, дом обыскали так же быстро, полностью обыскали

постель, всё вывернули на пол. Папе не дали с нами проститься, оттолкнули его от нас. Маме тоже не разрешили подойти. Увезли в бездну нашего отца. Папа сказал маме уже на ходу: «Лиза, береги детей». Больше мы никогда не увидели нашего отца. Узнали о нем в 90-х годах из ответов КГБ на наши запросы.

Вот собранные воспоминания о нашем отце из уст очевидцев в различные годы.

Дядя Миша Оллыкайнен, 75 лет (ст. Грузино Лен. обл., 1968 г.) – сказал, что знал Ильина И. А. на протяжении многих лет: «Был хороший человек, много работал на ферме, водку не пил, не курил, людей очень уважал, был добрым человеком».

Лиля Оллыкайнен (г. Ленинград, 1968 г.) – знала, вернее, сохранила в памяти воспоминания своих родителей о нашем отце: «Хороший был человек, не курил, не пил, работал на ферме. Дружил с нашим отцом, наши семьи помогали друг другу».

Эльвира Оллыкайнен, 1927 г. рождения (г. Малая Вишера, 1991 г.) – знала, помнила нашего отца с 1937 г. Рассказывала о том, как дружили их и наша семья: «Ваш отец был хороший человек, тихий, спокойный, очень, очень заботливый к людям, заботился о своей семье, много работал на ферме».

Вильям Рякки, 80 лет (ст. Кузьмолово, 1994 г.) – знал нашего отца с 16-летнего возраста, т. к. работал почтальоном в нашей деревне. Он много доброго и хорошего рассказывал о нашем семейном укладе. По фотографии сразу узнал нашего отца, маму, наш дом. Говорил: «Ильин Иван был очень хорошим человеком. Водку не пил, не курил. Уважителен был к людям, заботился о колхозниках, был председателем колхоза, потом заведовал молочной фермой, с семьей жил дружно, заботился о детях, их у него осталось четверо, как его арестовали в 1938 г. Дом Ильина Ивана был домом гостеприимным, там меня всегда угощали конфетами, чаем, кормили обедом. Мой отец, когда был живой, наказывал мне: «Сынок, как замёрзнешь, то заходи к Ильиным, они тебя напоят горячим чаем, накормят обедом, обогреют, они очень добрые люди». Я так и поступал, заходил к ним и был обогрет лаской человеческой и вниманием. Хорошая была эта семья, я их любил, их все любили в деревне. Плохого слова о них не слышал». Высказывания Рякки я с его слов записывала дословно. С большим трудом мы его разыскали. О его существовании нам сообщили в финском обществе «Инкерин Литто». Сказали, что есть в Грузино такой человек, который был жителем д. Нясино. Затаив дыхание, мы искали этого человека по всем улицам, домам и районам Грузино, т. к. адреса не было. Опросили множество людей, пока нашёлся человек, – женщина сказала адрес и заверила, что неделю тому назад он был ещё жив. «А сейчас не знаю, – добавила, – болен он был». К большому счастью, мы застали его живым, хотя и больным; к большому удивлению, он обладал феноменальной памятью. Глядя на фотографии, что мы ему показывали, называл всех по именам, о судьбе каждого говорил. Нашу семью помнил очень хорошо, много и интересно говорил о матери, об отце, многое восстановил в нашей памяти. Вильям не знал, что мы дети Ильина, мы

признались в ходе разговора в том, что это мы, наш отец, и что он говорит о нас, о нашей маме, которую он помнил. Мы остались счастливы.

Поясняю в очень краткой форме о дальнейшей судьбе нашей семьи. В 1940 г. нас, всех сельчан, переселили из родной деревни Нясино в разные места, там стали строить военный полигон. Мы навсегда лишились родительского дома. Переселили нас на ст. Грузино, потом в Верхние Осельки, где мы жили в заброшенном доме впятером с мамой. С питанием было очень плохо, дети малые, земли лишились. Потом война. Ленинград, бомбоубежища, подвалы, заброшенные дома, в которых мы временно ютились. Лютый голод и холод блокадного Ленинграда 9 месяцев. При нас были в паре мешков скудный запас вещей и хорошо запакованные семейные фотографии, к ним со стороны мамы было особое отношение. Позже я осмыслила величайшую ценность наших семейных фотографий, групповых фотографий наших сельчан, так бережно охраняемых нашей многострадальной мамой. С большими проблемами я их охраняла, уберегла в детском доме. Вся свою сознательную жизнь берегу их как реликвию, как величайшую память. По ним мы получали рассказы о наших родителях от найденных нами людей. 26–28 марта 1942 г. эвакуация в Сибирь. Почти 2 месяца пути до Красноярска, Канска и – глухая запущенная деревенька Улюколь Дзержинского р-на, куда мы прибыли 25 мая 1942 г.

Наша молодая измученная мама умирает 30 мая 1942 г. в возрасте 36 лет. Мы, четверо детей, осиротели окончательно. Июнь, июль, август 1942 г. Мы, дети, живём в заброшенном доме одни, рядом с семьёй, приехавшей с нами. Мы с Робертом (ему 8, мне 12 лет) обеспечиваем всю нашу семью черемшой, за которой я ходила в лес. Помогала немного своей заботой сердобольная женщина Феня.

29 августа 1942 г. нас, оголодавших детей, вывозят и сдают в Дзержинский детдом. Мы стали сравнительно чистыми и сытыми. Через несколько дней нас рассоединяют – разлука продолжалась очень многими годами. И так: находились в разных детдомах – Красноярский край, Иркутская область. Все живы до сих пор, возраст очень преклонный. У всех семьи, дети, внуки, у меня – Марии – есть правнуки. Мы встречаемся периодически по возможности. Вспоминаем нашу жизнь во всякие периоды прожитых лет. Радует успехам друг друга, хорошим нашим детям и внукам. Все четверо имеем образование, специальности, ветераны труда, правительственные награды, по 40 с лишним лет отработали, пенсии очень маленькие. Детям дали образование, по возможности помогаем внукам, любим жизнь, хотя она и очень сложная.

Все мы реабилитированы. Имеем блокадные удостоверения. Имеем архивную справку Лен. областного архива (г. Выборг) об эвакуации нас в Сибирь. Имеем справку Красноярского краевого управления народного образования о том, что были приняты и воспитаны в детдомах.

Мария Ивановна Ильина,
г. Саяногорск, Хакасия;

Лидия Ивановна Кармадонова,
г. Ленск, Якутия;

Роберт Иванович Ильин,
г. Бендеры, Молдова;

Иван Иванович Якубов,
г. Бендеры, Молдова

Иван Александрович Ильин расстрелян по так называемому Списку финских шпионов № 16. В предписании на расстрел он значится 23-м из 94 приговорённых к высшей мере наказания. Все считаются расстрелянными в Ленинграде 5 мая 1938 г. Возможное место погребения – Левашовское мемориальное кладбище. Все помянуты в данном томе. – *Ред.*

[наверх](#)

© Российская национальная библиотека, 2003-2017